

Любовь пахнет...яблоками

Действующие лица

Галина Заволжская (взрослая) - молодая женщина до 30 лет
Галина Заволжская (девочка) до 12 лет
Генрих Владимирович Пшиманский, хирург, до 42 лет
Семен Петрович Сомов, хирург, до 40 лет
Нина Васильевна, воспитатель в детском доме
Павел, молодой человек до 35 лет
Священник (пожилой) – больше 70 лет
Мачеха – без возраста
Игнат, отец Галины - без возраста
Массовка (девочки в детском доме, медперсонал, люди на вокзале)

Пролог

Женщина (в возрасте 50-60 лет), кутаясь в шаль, сидит за столом и перебирает фотографии. Листает фотоальбом, разворачивает треугольники — письма с фронта. Бегло их прочитывает и откладывает в сторонку.

Галина: Жить воспоминаниями тяжело. Чем дальше в прошлое они отходят, тем горше засыпать по ночам. А утром просыпаться, ощущая на лице солёные дорожки слёз. Когда в твоей жизни ничего не происходит, а ты должна навсегда запереть себя в коробке с прошлым, всё становится пресным и невкусным. Словно покрывшийся плесенью хлеб. И не стоит его есть, но военная привычка не выбрасывать еду, пересиливает отвращение. И ты превращаешь этот кусок позеленевшего батона в гренки...А во что превратить свои дни и ночи, лишённые жизни? Убитые однажды на войне любовью. Этим снайпером, не знающим поражений.

СЦЕНА 1.

Военно- полевой госпиталь. Огромная брезентовая палатка. В свете, идущем из-за неё можно разглядеть тени врачей, делающих операцию. Вдруг свет гаснет и из палатки вываливаются сцепленные в драке тела двух мужчин в белых халатах. Драка продолжается перед палаткой. За дерущимися вслед выбегают на сцену две медсестры и медбрат. Которые и хотят разнять дерущихся, но неписанный «табель о рангах» не позволяет им этого сделать как положено.

Генрих (один из дерущихся): Ты что сказал? Ты в своём уме? Да тебя надо взашей гнать. Ты-нелюдь.

Семён (второй драчун- хирург): Да ладно тебе! Что ты так взвился? Я же правду сказал.

(и вновь драка продолжается)

В середину выходит хрупкая девушка.

Галина: А ну прекратите сейчас же! Кругом война, люди гибнут, а эти устроили тут кордебалет! Расстрелять вас мало. Я ехала сюда, думала, госпиталь, раненые люди, врачи их выхаживают, с того света вытаскивают. А тут! (девушка махнула рукой) А ну быстро все по местам. Переодевайтесь и идите спасать людей!

(Все останавливаются, смотрят на девушку).

Галина: Кто тут главный?

Генрих (отряхиваясь): Я начальник госпиталя. Подполковник медицинской службы Генрих Пшиманский. А вы кто?

Галина: Галина Заволжская, операционная медсестра. Прибыла после ускоренных курсов для прохождения службы. Разрешите приступить?

(Девушка протягивает Генриху какие-то документы)

Генрих (рассматривает их): Заволжская? И правда. Надо же. Какая чудная фамилия! Прямо как название моего родного города. Заволжск. Приступайте, коли прибыли. Полчаса вам на обустройство и добро пожаловать в операционную. У нас сегодня горячий денёк. Раненых как никогда много из-под Сталинграда. Вторые сутки не спим. Жду. *(отдает документы Галине и уходит).*

Семён: Давай, девушка, поторопись пока наши канцелярские не отправились бока греть. Пусть поставят на довольствие, выдадут всё, что положено. Покажут, где будешь спать. Счастливо тебе, сестрёнка! Несладко тебе придётся у нас. Да вижу, не спасуешь. Уж больно сурова ты, несмотря на столь юный возраст. Ладно, поспеши. *(уходит).*

Галина (*к оставшимся медсёстрам и медбрату*): Куда идти?

(Те наперебой начинают объяснять что-то, указывая направо).

Галина: А чего это они дрались? И часто у вас такое бывает? Какие-то детские игрушки, а не передний край.

Медсестра 1: Да никогда ничего такого у нас не было. А сейчас Генрих Владимирович не сдержался. Просто Семён Петрович не подумавши сказал...

Медсестра 2: Не так ты рассказываешь. Всё было не так. Я сейчас расскажу по- порядку. Значит так. Вчера Генрих Владимирович получил письмо. Кто-то ему сообщил, что его жена и двое сыночков погибли в Белоруссии, куда они уехали перед самой войной к бабушке, маме жены. Вот Генрих Владимирович второй день сам не свой. Так Семён Петрович решил успокоить его. Для поддержания духа выпили по соточке спирту. Тут и говорит Семён...

Медсестра 1: Петрович Генриху Владимировичу, мол, не переживай ты так. Война же. Твоей вины тут нет. Пусть земля им будет пухом. А ты теперь можешь начать новую жизнь. Встретишь женщину, полюбишь. Родятся ещё дети.

Медсестра 2: Вот тут Генрих Владимирович не стерпел. Налетел на доктора, начал драться.

Медбрат: И кричать. Ах ты...Ну тут он ругнулся. Тебе это слышать, пичуга, не надо. А потом они сцепились, упали на землю. Генрих Владимирович кричал: никто мне не нужен. Мне без Любы и мальчишек нет жизни. А таких как ты добросоветчиков только расстреливать. Ой, заболтались мы с тобой совсем. А там ещё раненых подвезли. Да и тебе пора, а то опоздаешь –Иваныч уйдёт куда-нибудь. Останешься без сала и подушки. Беги скорее. И возвращайся.

(Галина машет им рукой и задумчиво уходит направо)

СЦЕНА 2.

Прошло полгода. Прифронтовая полоса. Зима, хрустит снег.Из-за угла деревянного домика показались двое в тулупах, ушанках, валенках. У одного в руках несколько конвертов.

Генрих: Смотрю, пишут вам из дома часто. Вон какую пачку сегодня вам принесли. Любят значит. А мне...

Галина: Да, это из дома. Детского дома. Девчонки и ребята не забывают. А ещё воспитательницы Марь Сергеевна и Нина Васильевна и дядь Петя истопник. Родных у меня нет. Сирота я. Выросла в Горьковском детдоме.

Генрих: Ох, извините. Совсем я со своим горем стал чёрствым. Никого и ничего вокруг, кроме тех, кому нужна моя помощь, не вижу и не слышу. Горько, наверное, было в детдоме жить? Не обижали вас?

Галина: Да нет, что вы, Генрих Владимирович. Всё было замечательно. Мечтали мы, конечно, чтобы однажды за нами приехали наши родители и забрали бы нас домой. Да вот не сложилось. А вы зря на себя наговариваете. Хороший вы, добрый. Мне иногда хочется подойти к вам, прижать к себе, погладить по голове. Сказать, что всё пройдёт. Так нас в детдоме наши мамы Маша и Нина утешали. И нам становилось тепло- тепло.словно и правда родная мамочка приласкала и пожалела. А хотите я вам расскажу, как мы в детдоме жили? Никому и никогда не говорила, а вам, почему-то, захотелось рассказать.

Генрих: Расскажите, Галя. *(взял её руки без варежек в свои, поднёс их к губам. Подышал на них. А затем вытянул из своих карманов тёплые рукавицы, надел на руки девушки. Они уходят налево).*

СЦЕНА 3.

Детдом. Кровати в ряд и две по бокам. На них кто-то лежит, накрывшись с головой. Потом кто-то громко чихнул и все как по команде отбрасывают одеяла. Вскрикивают.

Девочка1: Ура! Полночь! Айда в подвал. У кого сколько кусков хлеба? У меня два.

Девочка2: У меня четыре. Давайте, девчонки, складывайте всё сюда, на газету. *(Все подбегают к её кровати и складывают куски хлеба).*

Галина (маленькая): Пошлите скорее в подвал, а, то есть охота. Аж в животе всё скрутило.

(Все подхватываются и бегут куда-то влево. Вскоре возвращаются, держа в руках огромные пожелтевшие солёные огурцы.)

Девочка 3: Ой, девчонки, а во второй бочке с соленьями появилась тина болотная. Может там и водяной живёт? Я больше не пойду за огурцами. Страшно. А как схватит кто-нибудь оттуда утащит вниз?

Девочка 2: Да что ты выдумываешь глупости всякие? Детские сказки какие-то. Что, и огурчики теперь есть не будешь? Да нам тогда больше достанется. Айда, девчонки, отберём у Надюхи её улов! И всё сами съедим.

(Начинается весёлая возня. Вдруг в комнате вспыхивает свет и на пороге все видят женщину в пальто, накинутом прямо на ночнушку).

Нина Васильевна: Опять озорничаете! Сказано ж было, всем спать. Или вам непонятно? Особое объявление нужно?

Девочка 1: Нин Васевна! Не ругайтесь! Лучше нам про жизнь расскажите. А мы пока огурцами с хлебом подкрепимся. Пир горой устроим.

Н.В.: Опять проголодались, мои галчата! Скоро все солёности перетаскаете, до весны не хватит. Из чего рассольник баба Паша варить будет? Из бревна или топора, как в сказке.

Девочка 2: Мы больше не будем таскать огурцы.

Н.В.: Надо будет в этом году побольше засолить овощей. Четыре бочонка нам не хватает уже. Дядь Петя обещал ещё парочку найти. Тогда поедем вволю и помидоров, и капусты, и огурчиков. А что же сегодня вам рассказать? Да вы ешьте, славные мои оленята.

Галина: А расскажите ещё про меня. Как меня нашли.

Н.В.: Да я же, Галочка, уже раз пять рассказывала. Ну да ладно. Слушайте. Это было летом 1929 года. Железнодорожная станция в маленьком городке под городом Горький. Маленькая девочка сидит под лавками. Её не видно и не слышно. Мимо проходят, куда-то очень спешат пассажиры. И только ночью, когда все улеглись подремать на станционных лавках, услышали в тишине будто котёнок где-то мяучит. Да так тоненько и жалобно. Люди туда-сюда, ищут, думают, животное где-то застряло. И тут из-под лавки извлекли чумазого ребёнка с котёнком в руках. Оказалось, плачет девочка, а котёнок пригрелся в её руках и уснул. Малышка, как выяснили дяди и тёти, потерялась. Мама её оставила вещи сторожить, а пятилетняя девочка увидела грязного голодного котёнка, который шмыгнул под лавку. Девочка за ним. Выбежала на улицу, котика поймала, а маму и вещи потеряла. Когда вернулась на станцию, ни чемодана, ни родительницы. До ночи просидела под лавкой, куда спряталась в надежде, что мама вернётся. А потом, когда стемнело, стало страшно. И она начала плакать.

Галина: А тут самое интересное!

Н.В.: Подошёл милиционер. Стал расспрашивать ребёнка, которому добрые люди дали кусок хлеба и картошину. Малышка жадно ела. И пыталась отвечать с полным ртом. Милиционер узнал, что девочку зовут Гая. И ещё то ли фамилию малышка называла свою,

то ли что-то ещё. Но она сказала – заволжская. Так и записал её дядя милиционер в своих протоколах. Галина Заволжская. Потом тебя к нам привезли. И выросла у нас такая умница и красавица. Обязательно ты, Галочка, станешь или писателем, или художником. И стихи у тебя замечательные, и рисунки хороши.

Галина: И маму обязательно найду!

(Девочки вслед за нею: «И я, и я, и я тоже»).

Н.В.: Мы не могли понять, что за фамилию ты называешь, когда приехали за тобой в отделение милиции. И только потом догадались, что ты говоришь Заволжск. Это город такой по нашей железнодорожной ветке. Вы с мамой, наверное, туда ехали. И то, что зовут тебя Галиной мы тоже поняли с трудом. Ты поначалу никак не хотела признавать это имя. Нет и всё. Но потом привыкла. Да, самое главное. У тебя был удивительный старинный ключ. Мы хотели его забрать, чтобы положить в твоё личное дело, но ты никак не хотела с ним расставаться. Плакала. И мы его тебе оставили. Он висел у тебя на шее на верёвочке. На ключи от квартиры он не очень похож. Интересно, какую дверь он открывает?

Галина: *(Показывает ключ):* Вот он. Похож на золотой ключик из «Буратино». Наверное, где-то есть каморка, как у папы Карло с очагом, дверью за ним... Вот бы отыскать ту дверь. Открыть. А там... Мама. И мы с ней будем смеяться и есть мандарины. И праздновать новый год. С мандаринами. Килограмма два. А то и три съедим. Я точно знаю, она тоже обожает эти оранжевые мячик, пахнущие праздником. Мы с нею очень-очень похожи.

Сцена 4.

Галина: *(Выходит с Генрихом справа):* Вот он, этот ключ. До сих пор не знаю, что им можно открыть, какой замок. Но точно знаю, по нему мамам обязательно узнает меня. А у тебя, Генрих, есть родители?

Генрих: Сейчас только мама. Отец погиб в Финскую. Он был такой огромный, так мне казалось в детстве. И всегда смеялся очень громко, когда приезжал из командировок. Мы с сестрой его редко видели. Он всё время куда-то уезжал, что-то доставал для нашего завода в Заволжске. Работал там снабженцем. Когда входил в комнату из общего коридора, мы жили в коммунальной квартире на семь соседей, то забывал пригнуться. И всегда стучался головой о притолоку. И сразу начинал смеяться, потирая лоб, говорил: вот опять забыл, что я – великан приехал в дом к лилипутам. А мы с сестрой бросали все свои игры, когда слышали его смех, кидались ему на шею и просили: расскажи про Гулливера. И он в сотый раз нам начинал рассказывать про этого великана, про войну между теми, кто утверждал, что яйца надо разбивать с тупого конца и теми, кто – с острого. Нам было весело. Мы думали, вот ведь какие дураки, спорить из-за такой ерунды. Потом я эти истории про Гулливера рассказывал свои сыночкам... *(Помолчал немного. Галина в это время гладит его по руке, проявляя сочувствие горю):* . А ещё отец всегда привозил нам гостинцев. Конфеты, какие-то книжки. И кусковую соль. Огромные такие кристаллы, похожие на лёд. Их можно было лизать и придумывать разные истории. Например, что ты в Арктике. И это и правда кусочек льдины. Вроде бы такую соль специально дают животным на фермах. Но для нас с сестрой ничего на свете вкуснее не было. Мама мне сейчас шлёт посылки сюда. Знаю, ей там и самой нелегко. А она что-то собирает и высылает мне продукты. Я выслал ей свой аттестат. По нему она получает продукты и делится с соседкой, у которой трое малышей. А моих Саньки и Ваньки больше нет... Зачем я согласился отпустить их в Белоруссию к бабушке? Никогда этого себе не прощу.

Галина: Не вини себя. Ты откликнулся на просьбы детей. Они очень хотели увидеться с бабушкой.

Генрих: Да я понимаю, Люба, жена, и мальчишки давно не навещали её... А теперь на месте села, где она жила, пепелище. Фашист всё спалил дотла. Скорее бы этой войне конец. Я бы поехал туда, поклонился пустырю. Могилки там, наверное, даже нет. Поедешь со мной? Благодаря тебе я понемногу начал приходить в себя. А то хотелось раздобыть автомат и

бросить всё, пойти в атаку на немцев, чтобы убить их как можно больше, и самому сложить голову, чтобы не думалось постоянно. Не болело в груди.

Галина: Поеду, конечно. Куда же я теперь без тебя? Ты –мой самый родной человек на всей Земле. Конечно, ещё мама. Мы с тобой её обязательно должны будем найти.

Генрих: Обязательно найдём. Ты имеешь право на счастье.

Галина: А я- счастливая! Очень-очень! *(Кружится и приглашает Генриха на танец- вальс).* Генрих! *(танцуя с ним).* А ты любишь мандарины? Я их обожаю. Просто жить без них не могу! У меня даже появилась примета- если приснились мандарины, значит утром, или на этой неделе обязательно что-то случится очень-очень хорошее! Вчера мне снились мандарины!

Сцена 5.

Галина: Не зря мне снились мандарины. Оказалось- это к Победе. Войне пришёл конец. Не надо теперь просыпаться в страхе, когда приснится очередной ужас, что во время операции в наш госпиталь попал бомба и мы не можем вытащить очередного раненого. Слава Богу, на яву у нас ничего подобного никогда не было. Мы почти всех спасали. Были, конечно, и у нас такие операции, весьма успешные, но после которых не удавалось выходить потом солдатиков. Но это уже не наша вина. Война...Помню одного. Совсем мальчишка. 17 лет. Он метался в бреду. Я подошла к нему, чтобы поправить одеяло, а он схватил меня за руку своими горячими ладонями и зашептал: мама, ты нашла меня. Как долго я ждал тебя. Мне говорили, что ты умерла, но я не верил. Мама, как ты меня нашла? И смотрит на меня совершенно нормальными глазами, словно весь бред и болезнь враз отступили. Я тогда растерялась, что сказать. Никак не могла проглотить ком в горле. А потом собралась с силами и говорю: мне сердце подсказало, что ты здесь. Солдатик тогда улыбнулся как-то по-хорошему. Прошептал: я так и знал. Откинулся без сил на подушку. И умер...Боже мой, сколько горя на свете! Сколько боли!

Победа. Мы не сразу поверили, что уже всё. Войне конец. И впереди только море счастья. И любви.

Генрих: *(выходит справа):* Больше не будет раненых. А лечить мы будем обычных людей от обычных болезней. Да и вообще больных будет намного меньше, чем раньше. В стране, победившей фашизм люди от радости просто перестанут болеть.

Галина: И всем докторам в срочном порядке придётся переквалифицироваться. Ну, например, в парикмахеров! *(она кружится и вытаскивает Генриха на танец).*

Генрих: *(смеётся):* Почему на парикмахеров?

Галина: Чтобы все люди стали красивыми. Причёски станем делать женщинам высокие, как в трофейном кино. А мужчинам –стрижки. И всё вокруг будет пахнуть весной.

Генрих: И, конечно же, твоими любимыми мандаринами. Ой, прости, совсем забыл. Возьми вот это. С трудом удалось достать. *(Вытаскивает из кармана три небольших мандарина).*

Галина: Ой, неужели мандарины! Как здорово! Войне конец и можно есть, сколько хочешь мандаринов. Они обязательно будут расти в каждом городе и селе. Надо, чтобы наше правительство издало такой указ.

Генрих: Галя, давай я почищу тебе мандарин. *(Чистит. И сворачивает из кожуры колечко):* Галя, выходи за меня замуж. *(Протягивает ей колечко).*

Галина: *(Берёт колечко, надевает на палец):* Я согласна. *(Застеснявшись, убегает вправо).*

Галина (как из Пролога): А потом всё рухнуло в одночасье. Разбилось, как дорогая ваза, на миллион хрустальных осколков. И каждый впился в тело, и саднил, кровоточил. Казалось, этой боли не будет конца. Полковой почтальон принёс письма. Целую кипу. Мне, как всегда, от ребят, наших детдомовских. Просто долго не было почты. Она не поспевала за наступающими войсками. Пришло письмо и Генриху. Из дома... Не от мамы. А от ...жены Любы. Оказалось, что она и его сыночки успели уйти из села к партизанам задолго до того, как фашисты сожгли деревушку. Они остались живы. Пришлось и им горюшка хлебнуть с лихвой. А теперь они все живы- здоровы. Вернулись в родное Заволжье и ждут папу домой.

Генрих и Галина сидят спинами друг к другу. В руках мужчины письмо.

Генрих: Во мне борются противоречивые чувства. С одной стороны, я безмерно счастлив, что Люба и мальчики живы. А с другой- как же ты? То есть, мы...

Галина: Это счастье, что они уцелели. Мальчишки уже подросли и поймут тебя, простят. Ты же можешь развестись с женой. Мы поженимся, как и собирались. Вот твое колечко из мандариновой корки. Правда, высохло всё и почти раскрошилось... Мы тоже заслужили счастье.

Генрих: Что ты такое говоришь! Как развестись? Мальчишки обожают меня и не поймут и не простят мне этого. К тому же в роду Пшиманских никто и никогда не разводился. Это нонсенс. Нет, надо что-то придумать другое. Мы с тобой поедем в Заволжск и ты поселишься у моей тёти Глаши. Всё равно тебе некуда возвращаться. Не в детдом же свой. Она одинокая. Почти ничего не видит и не слышит. Моим скажем, что ты снимаешь у неё жильё. Работать будешь в нашей больнице. Она одна в Заволжске. Видится сможем хоть каждый день.

Галина: Что ты такое говоришь? Ты шутишь? Я так не могу. Роль любовницы не для меня. *(Плачет, убегает)*

Галина (взрослая, из Пролога): Откуда у меня той, совсем юной девчонки, но прошедшей всю войну, нашлось столько мужества и силы воли сказать любимому и единственному в мире человеку, ставшему мне ближе всех, нет? Но я тогда это сделала. Генрих не успокоился и не принял сразу мой отказ всерьёз. Долго преследовал меня. И тогда мне пришлось пойти на крайние меры. Наверное, это было не очень честно по отношению к другим людям. Но я это сделала. Я резала по живому... Хотя точно знала тогда, что эта операция мне никогда не даст облегчения. Ведь любовь в жизни человеку даётся только один раз, думала я тогда. А значит- это на всю жизнь. Моя любовь закончилась с последним залпом войны. И оказалась я в роли полковой жены... Как это было осознавать невыносимо больно знала только моя подушка, пропитанная насквозь слезами. Но принять предложение Генриха и стать его штатной любовницей мне не позволяла гордость. Воровать чужое счастье украдкой не по мне. Или всё, или ничего. И тогда я придумала выход...

Сцена 6.

Галина: Клин клином вышибают. Я решила закрутить роман с нашим полковым ловеласом и известным сердцеедом доктором Сомовым. Чтобы Генрих, узнав об этом, оставил меня в покое.

(Галина и Семён Петрович сидят на скамейке возле какого-то кирпичного строения)

Галина: Семён Петрович, а что вы собираетесь делать теперь, когда мы скоро вернёмся на Родину? Говорят, уже на следующей неделе и наш госпиталь отправят домой.

С.П.: А я, Галочка, вернусь на кафедру в родной Московский мединститут и буду заниматься чистой наукой. Исключительно изысканиями и исследованиями. Наверное, пока мы тут воевали наука продвинулась далеко вперёд. Надо догонять.

Галина: Как интересно! А что вы будете исследовать и изыскивать?

С.П.: Я продолжу свою работу над извечной мечтой человечества- продлением жизни. Ведь, согласитесь, Галя, обидно до чего наша жизнь коротка. Мы, медики, как никто другой, знаем это. Только войдешь во вкус, развернешься. А уже старость накатила. И пора уходить. Несправедливо. Вот черепахи или попугаи, они же по сравнению с нами настоящие долгожители. А чем мы хуже? Существует множество былин, что когда-то люди жили намного дольше. Были почти бессмертны. Но всё в одночасье закончилось. Якобы, с грехопадением, если верить Библии, Евы.

Галина: Как интересно!

(За углом здания какая-то медсестра наблюдает за ними и утирает слёзы. Вбегают Генрих)

Генрих: Вот вы где. А я вас повсюду ищу. Семён, твой больной из четвертой палаты почувствовал себя хуже. Медсёстры с ноги сбились, ищут тебя. Сходил бы ты, посмотрел, что там. А тебя, Галина, я прошу задержаться на пару слов.

(Семён убегает. Галина тоже пытается сбежать, Генрих удерживает её за руку)

Генрих: Галя, подожди. Неужели ты вот так легко можешь забыть всё, что было между нами? Я думал, что встретил девушку, о которой мечтает каждый мужчина. Необычную, верную. Которая понимает меня с полуслова. Верит мне во всё. Идёт со мною по жизни одной дорогой. Готова поддерживать меня во всё... Неужели я ошибся в тебе? Что я вижу? Ты такая же, как все? Ищешь, где потеплее и посытнее. Конечно, Москва- это не наш Заволжск... В столицу захотелось? Да он же через месяц бросит тебя, разве ты этого не понимаешь? Сколько сердец он уже разбил. У него есть фотоальбом с фотографиями его «побед». Там сто фоток. Ты хочешь стать сто первой?

Галина: Я пока ещё ничего не решила. Но в Заволжск с вами я не поеду. Встречи украдкой не по мне. Следить за своей речью постоянно, чтобы не сболтнуть лишнего, прятаться, обманывать. Нет, я так не хочу жить.

Генрих: Галина, пойми, мы с тобою не виноваты, что так случилось и нас нашла большая любовь. Но я не могу разделить своё сердце на две части. В нём живешь и ты, и моя семья. Прими это и смирись. Почему ты не радуешься вместе со мной, что моя семья выжила?

Галина: Я очень рада за вас, Генрих Владимирович! Желаю вам счастья! Но оставьте меня, пожалуйста, в покое. Выяснилось, что я вас больше не люблю. Да и не любовь, наверное, это была вовсе, а так, какое-то солнечное затмение. Романтический бред на фоне войны.

Генрих: Ах так! Да знаешь ты, кто ты после этого?! Да для таких, как ты есть определение в русском языке! Точнее не придумаешь. Не хочется употреблять его. Но ты заслужила. Я вычеркиваю тебя из своей жизни навсегда! Как же я был слеп! Ты- моя самая большая ошибка в жизни.

(Убегает. Галина плачет на скамейке. К ней подходит девушка, наблюдавшая всё из-за угла здания. Она тоже плачет).

Галина: А ты чего ревьешь? Тоже его любишь?

Девушка: Больше жизни. А он мне сказал: между нами больше быть ничего не может. А я так не хочу! Я его люблю. И ношу под сердцем плод нашей любви.

Галина (в ужасе): От доктора... Пшиманского?

Девушка: От доктора Сомова. *(обе режут)*. А ты собираешь с ним в Москву. А как же я?

Галина: А он знает про ребёнка? Ты ему сказала?

Девушка: Нет. Что ты! Не хочу пока говорить. А то он заставит избавиться меня от него. Он уже Нюсю и Женьку заставил. И сам даже операции сделал им. А я не хочу. Этот малыш-плод любви. Как от него можно избавиться? Пусть коротенькая, но она была. А зачем ты поедешь за ним в Москву? Ты же даже не любишь его, я же это вижу.

Галина: Да куда я не поеду. Ни в какую Москву. Сейчас у меня есть дела поважнее любви. Да и не будет у меня ее больше, ну и пусть. Разве это любовь? Когда ты отдаёшь себя без остатка человеку, а он просто...принимает твоё поклонение. Позволяет тебе себя любить.

Девушка: Просто использует. Это ты про доктора Пшиманского? Он не такой. Он и правда влюбился в тебя. Да вот семья нашлась. Он и мучается теперь, бедный. А к Сомову ты тогда больше не подходи. Не морочь человеку голову. Он- мой. К Нюське и Женьке я его не ревную. Вместе с «плодом» он у них удалил и любовь. А на тебя он поглядывает с интересом. Я то вижу. Может, и есть у него к тебе что-то. Но это ненадолго. Возможно, он из зависти хочет отбить тебя у Пшиманского. Но эта победа ему наскучит. Он тебя бросит. А я всегда буду где-то неподалёку от него. Поеду за ним в Москву, как ниточка за иголкой. В его клинике соглашусь на любую работу. Даже санитаркой. Лишь бы рядышком. Как тень. Мешать мы с сыночком ему не будем. Пусть он занимается наукой и по бабам бегаёт. А мы подождём. Однажды он остановится, оглянется. А рядом никого. Людей много, а он, как в пустыне. Один-одинёшенек. Вот тогда-то я и появлюсь. Тут как тут. И сына представлю. Я точно знаю, у меня будет сыночек Семочка. И он тогда поймёт, как мы ему нужны...Вот только ты не лезь в нашу жизнь, ладно? Не мешай нам.

(Девушка уходит, улыбаясь мечтательно).

Галина: Боже мой, сколько горя от той любви... А где же счастье? Не зря поэты рифмуют любовь- кровь. Никогда и никого больше не буду любить. Никогда и никого.

Сцена 7.

(На вокзале)

Генрих: Галина, мой поезд в Заволжск отходит сейчас. Едем со мной! Решайся! Это последний шанс.

Галина: Нет, доктор Пшиманский, извините меня, я не поеду с вами. Желаю вам счастья! Прощайте!

Генрих: Какая же ты идиотка! Такой любви, как у нас у тебя больше не будит. Ты ещё пожалеешь об этом. Но уже ничего не вернёшь. Прощай навсегда! Это твой выбор!
(Убегает. К Галине подходит доктор Сомов).

Сомов: Ну, что, Галина, так и не решили поехать в Москву? А то давайте, решайтесь. Москва удивительная. Там всюду цветёт сирень. Воздух вкусно пахнет хлебом из соседней булочной. И цветами из палисадника тёти Капы. Там всё пропитано особым арбатским духом. Вечным ощущением детства и праздника. Знаешь, какие удивительные наши арбатские дворики! Люди там все знают друг друга, даром, что столица.словно одна большая семья. Если у нас дома мама готовит борщ, то на него приходят к нам и верхние соседи Родионовы, и соседи снизу Потаповы. Настоящий наваристый украинский борщ. Горошины перца так и лопаются на зубах, придавая этому красному супу особый аромат и вкус.

Галина: Как вкусно вы рассказываете. А я была в Москве. После детдома поехала. Думала, что в Москве всё про всех можно узнать в адресном бюро. Или каких-нибудь архивах. Есть же такие, наверное. Но столица встретила меня не слишком ласково. Холодным проливным дождём. Люди спешили спрятаться от него, отворачивались от меня. Так я ничего и не выяснила. Оттуда, из Москвы я и пошла на фронт. Сначала курсы медсестёр окончила. Нет, не хочу я больше в ваш город. Не поеду с вами.

Сомов: Жаль, что у вас такое мнение сложилось о москвичах. На самом деле это очень милые и добрые люди. Война- это горе сначала всех разъединило, но потом сплотило. Люди же остались теми же, что и до войны. Поедемте, Галина, я вам покажу настоящую Москву и людей. И мы маму вашу мы обязательно отыщем.

(Галина видит за вагонами Девушку, что собиралась ехать за Сомовым на край света)

Галина: Доктор, скажите честно, вы когда-нибудь жениться собираетесь?

Сомов: Когда-нибудь...А пока не до того. Хочется ещё хлебнуть из чаши жизни свободы. Да и очень важно не ошибиться. Встретить именно свою половинку. Все так говорят, а ведь никто ещё не изобрёл средства, которое бы точно указало на человека- и я бы узнал, вот оно- моё.

Галина: Доктор, извините меня за нескромный вопрос. А в вашем фотоальбоме сколько сейчас карточек не устоявших перед вашим обаянием красоток?

Сомов: Галина, от вас я не ожидал такого вопроса! Ну что вы собираете всякие сплетни? Нет у меня такого альбома. Женщин я люблю, это верно. Но никогда не опускался до такой пошлости. И девушки это понимают и не таят на меня зла и обиды. Если вы не едете со мной в Москву, я должен откланяться. Пойду вещи собирать. Скоро мой поезд. Всего вам хорошего! Не помните зла!

Галина и Девушка.

Девушка: Спасибо, что моего Сомова не заарканила! Ну ладно, прощай, Галя! Счастья тебе! А я побегу собираться в дорогу. Поеду за ним. Буду всегда где-то рядышком с ним, неподалёку. Мешать ему не буду. Подожду. Всему своё время.

Галина: И тебе счастья...Дождёшься ли ты его когда-нибудь? Желаю, чтобы у тебя всё сбылось.

(Они обнимаются на прощание)

Галина (про себя): А я поеду в Заволжск. Буду искать там свою маму. Может быть, хоть кто-то знает про неё. Да и к Генриху хоть чуть-чуть поближе буду. Вот только никогда я не заменю семью. Постараюсь не встречаться с ним. Но обязательно хоть одним глазком взгляну на его жену и сыночков. Мешать их счастьем не стану. Буду навеки одна. (уходит, плачет).

Сцена 8.

(Железнодорожная платформа «Заволжск»)

Галина (взрослая, как в Прологе): Боже мой, как всё это было давно! Чужой город, чужая станция...Чужое небо над головой. Никто меня здесь не ждал. Приехали в город поздно ночью. Генрих, к счастью, так ни разу меня и не увидел за всё время пути. Я же его видела постоянно. То он бежал за кипятком с чайником на станцию. То сидел около вагона с мужиками во время стоянки. Смеялся, балагурил. Видно было, что счастлив человек. Едет туда, где его ждут. А значит правильно, что я отказалась ехать с ним. Словно нутром почуяла, разрушу я это счастье. И сама измучаюсь и его измучаю. Была любовь и сгорела. А я буду хранить её пепел в своём сердце. Перебирать в воспоминаниях всё, что с нами было, нанизывать их, как бусины, на нитку моего одиночества. А ему надо дальше жить.

Галина (юная) : Чужой город. Куда идти? Заночую на вокзале. Утро вечера мудренее. Вот только есть очень хочется. Берегла- берегла я тушёнку и сухари из продпайка, да за долгую дорогу они всё равно закончились. Придётся ночь коротать на голодный желудок. Если не раздобуду на вокзале кипятка. Им бы хоть погрелась немного, да и чувство голода он бы притупил.

(Она идёт в сторону вокзала, а ей навстречу поток людей движется в город. Где-то в этом потоке идёт и Генрих. Галина остаётся одна на опустевшей платформе перед вокзалом. Опускается на скамейку и начинает рыться в своём «сидоре»-вещмешке.

Галина: Да куда же подевалась эта кружка?

(Поднимает голову, перед нею стоит пожилой священник).

Галина: Ой, как вы тихо подошли. Я даже ничего не услышала. Добрый вечер!

Священник (испугано, и, словно, не веря своим глазам): Аглая! Это –ты?

Галина: Вы ошибаетесь, вы с кем –то меня перепутали. Я –Галина.

Св: И голос, и глаза...Одно лицо. Вы Аглаю Светлову знаете?

Галина: Впервые слышу это имя. Понимаете, я только что вернулась с фронта. В вашем городе я почти никого не знаю. Меня Галина зовут. А кто она, эта Аглая?

Св: Да, я, наверное, ошибся. Хотя этого просто не может быть. Вы так похожи на одну мою знакомую. Просто две капли воды. Вот я осмелился к вам подойти. Простите вы меня, дурня старого.

Галина: Не подскажите, где в вашем городе можно переночевать? Не очень дорого. Ну, к примеру, за банку сгущёнки.

Св: А пойдёмте, Галина, ко мне. Не бойтесь. Я живу в центре города. Там, около церкви. Точнее, рядом с тем, что от неё осталось. Пойдёмте, комнат у меня много. Чай и хлеб найдётся. Есть ещё немного бочковых солёных огурцов. Поужинаем и на боковую. Вы, я вижу, совсем уже с ног валитесь.

Г.: Спасибо вам большое! Да, я очень устала. В вагоне всю ночь не спала, боялась станцию проехать. Да и прохладно уже ночью.

(Священник подхватывает чемодан Галины. Она берёт свой вещмешок. И они пошли гуськом: впереди священник, за ним девушка).

Св: (на ходу): Пойдём, пойдём, милая, отдохнешь. А там и видно будет. Утро вечера мудренее.

Сцена 9.

В доме священника. Стол посередине помещения. Два окна, стулья, диван. На стене фотографии, в углу иконостас.

Г.: (за столом, допивая чай из стакана в подстаканнике) Ой, как вкусно. Чай из настоящего самовара. Я никогда не видела таких. А как угольки вкусно пахнут!

Св: Он ещё от моего прадеда остался, Петра Васильча. Царствие ему небесное! *(перекрестился)*. Двухведерный. Одному мне его и не осилить выпить. Да и не поднять. Годков –то мне немало. На прошлой неделе восьмой десяток разменял. Один живу, ни матушки, ни детушек. Слава Богу, хоть городское начальство меня уважает. В родстве, хоть и дальнем, как-никак состоим. Вот и церковь обещались помочь восстановить. Это она с виду такая крепкая, а внутри труха одна. Того и гляди рухнет. А народ у нас простой, верующих много. Да и наша главная икона на прошлой неделе обновилась, Богородица Семистрельная. Мы всю войну молились за победу. Вот она нам и помогла. Да вы чай пейте-то, и слушайте меня, коли есть охота. А я поболтать люблю. И гостей попотчевать. Когда немец на нас напал, я и сам хотел идти воевать, да не взяли меня. Стар, говорят. А мой сынок Петенька и его жена Аглая ушли на фронт добровольцами. И не вернулись. Ни одного письма даже не прислали. Сгинули где-то. Вот какое горюшко.

Г.: Погодите отчаиваться. Может они еще вернуться. Сколько таких случаев было. Пропали без вести, а потом вот они, встречайте. Вернулись.

Св.: А может и такое быть. На все Божья воля. Да вон они, мои сердешные, на портрете. Матушка моя, жена по вашему светскому, не дожидаясь, в 39 преставилась, царствие небесное.

Г.: (*подошла к фотографиям на стене*) Какие красивые ваш сын с невесткой! А мы с Аглаей и правда немного похожи. Только она, видно, старше меня была немного. А деток у них не было?

Св.: Нет, деток не было. Бог не дал. Правда, когда мой Петя встретил Аглаю, она была очень больна. Того и гляди Богу душу отдаст. Он в нашей больнице работал. А ее на улице подобрали. Думали, привезли умирать. Совсем она плоха была, бедняжка. А мой сыночек ее выходил, на ноги поставил. Правда, грех об этом вспоминать, однажды из петли ее вытащил. Хотела на себя руки наложить. Это нас уже в доме было. Когда она поправилась, Петя ее к нам привел. Чтоб окрепла. А она вон чего учудить хотела. Эх, он кричал тогда на нее. Я, говорит, тебя с того света вытащил, а ты тут такие кренделя выкидываешь. В дальней комнате ее поселили после больницы. Отогрели мы ее постепенно, оттаяла она потихонечку. Мы на хитрость с сыночком пошли. Мол, вот живут два одиноких мужика, совсем беспомощные. Ни постирать сами не могут, ни борща наготовить. Жалко ей стало нас. Стала о нас потихоньку заботиться. Да так и привязалась, пообвыкла. Позабыла про свои беды-несчастья, которые в петлю-то ее погнали. А была, видно, у нее в жизни какая-то тайна. Уж больно горькая да болезненная. Никогда она нам ничего про себя не рассказывала. А мы не лезли. Ждали, когда ее рана коркой покроется, ей совсем полегчает и она сама нам все расскажет. Успокоилась, вроде бы, наша Аглая. А потом мы и свадьбу сыграли. Поженились они с моим Петенькой. Эх, и здорово она нам помогала. И в храме мне, и по дому. А потом к сыну в больницу устроилась. Хоть и без образования, а все с лету схватывала. Сначала санитаркой полы мыла. А потом и медсестрой взяли. Людям помогала на ноги вставить после операции. Их сын мой делал... Охо-хо... Где же они, мои родные? Живы ли? Ой, что это я на ночь глядя такие грустные разговоры завел? Вы, моя гостья, совсем сомлели. С ног валитесь. Пойдемте, я вас провожу. Я вам постель в бывшей комнате Аглаи постелил. Там чисто и тихо. Отдохнете, а там видно будет, что делать и куда идти. Я с утра в церкви, а вы позорьте.

Г.(сонно): Спасибо вам, бабушка.

Сцена 10.

Г.: Ой, как я хорошо выспалась! И снился мне такой счастливый сон. Будто я в нашем детдоме. И мы собираемся есть соленые огурцы. И вдруг входит моя мама. Я знать- то как-будто знаю, что это она. Но так неуверенно иду ей навстречу. А она распакивает для меня свои объятия. Прижимает меня к себе. Мы плачем с нею и смеемся. Все в детдоме радуются за нас. А мы едим с мамой огурцы и нет нас на свете счастливее. А потом я проснулась... И опять поняла, что мамино лицо так и не разглядела и не запомнила. Только платок на голове ее помню, с крупными цветами мальвы. Да еще гребень в виде золотой рыбки, который придерживал ее тяжелую черную косу. Мама, мама, найду ли я когда-нибудь тебя? Ну ладно, хватит ныть! Надо начинать новую жизнь! Перво-наперво надо бы в доме прибраться. Вон какой слой пыли лежит везде. Бабушка говорит, что у него в доме хозяйничают две бабульки-прихожанки. Убираются да обед готовят. Да видать подслеповатые они. Не везде чисто протирают пыль. Налью в таз воды, возьму тряпки, да вымою все хорошенько. После и за обед можно взяться. А завтра пойду работу искать. В больницу мне дорога закрыта. Там Генрих. Ничего, я что-нибудь придумаю. Благо дедушка пожить у него позволил. (*протирает пыль, остановилась у фото*). Ой, до чего же красивая эта Аглая! Только глаза у нее уж очень печальные. А в бывшей ее комнате портрет ее висит, красками писанный. Ее муж Петр на день рождения Аглаи заказал у местного художника. Ой, какая она там необыкновенная, святящаяся что ли вся изнутри. И на плечах у нее платок как из моего сна, с мальвами. Удивительно! То ли я на этот портрет насмотрелась, вот и приснились мне эти цветы. Да вроде бы вчера ночью я и не обратила на него никакого внимания. Сразу, как коснулась голова подушки, провалилась в сон.

Сцена 11.

(прошло три месяца) Библиотека. За окном зима. За библиотечным столом сидит Галина. В руках у нее книга. Рядом несколько человек. Среди них ребенок.

Г.: Читать рассказы Антона Павловича Чехова одно удовольствие. Такие они добрые и веселые. И детям есть что почитать у него. Берите, не пожалеете. Тем более, что вы любите читать по вечерам всей семьей. Это как раз то, что вам нужно.

Мужчина: Ой, спасибо, Галина Ивановна! Нам всегда книги, которые вы посоветуете, очень нравятся. Когда про приключения деревянного мальчишки читали, так дети расстроились, что его так кот и лиса провели. Обманули. А потом все хорошо закончилось. А еще мы с удовольствием про Василия Теркина читали. Спасибо вам огромное.

Г.: Да не за что. Я вам советую то, что сама с удовольствием читаю. Собираюсь осенью в библиотечный техникум поступать. Готовлюсь. Всего вам хорошего. Приходите.

(Люди уходят)

Г.: Все, рабочий день закончился. Заведующая уже не придет. Надо закрывать библиотеку и бежать к больнице. Может сегодня Генриха опять увижу. Всегда с женой выходит с работы. Наверное, она тоже медик. А завтра, в выходной, к их дому схожу. Посмотрю на мальчишек. Как они во дворе снежную крепость строят. Вот оно счастье... Чужое. Пусть у них все будет хорошо. Я рада за них. И я была бы совсем счастливой, если бы хоть что-то узнала про маму. Из всех архивов приходит один ответ: мало информации сообщаете для розыска человека. Ничем помочь не можем. А у меня не то что мало этих самых данных, вообще нет никаких. Ни имени, ни фамилии, ни где родилась...

(на стене портрет Аглаи)

Г.: Выпросила у батюшки Серафима портрет его невестки. Повесила в библиотеке рядом с портретами писателей. И словно светлее стало. Правда, все читатели поначалу думают, что это я изображена на нем. А мне иногда так и самой кажется. Что я стану такой же, как она, лет через десять. Батюшка Серафим что-то приболел. Часто стал хворать. А вчера ночью, когда он начал сильно стонать от высокой температуры, я вскочила с постели. Прибежала к нему, а он меня опять Аглаей назвал. В бреду попутал видно... А позавчера жена Генриха неожиданно в библиотеку пожаловала. Сыновей записать решила, чтобы они книжки читали. Теперь буду видеть их почаще. Только бы сам Генрих не пришел. Да мальчишки говорят, что папе не до них. Некогда ему с ними возиться. Много работает.

Сцена 12.

В доме священника. Отец Серафим, закутанный в теплую шаль и в обрезанных валенках и Галина сидят за столом с самоваром и пьют чай вприкуску.

Г. Я убиралась в своей комнате и в подполе увидела какой-то сундучок. Что с ним делать? Зачем он там?

Св. Принеси его сюда. Это, наверное, Аглаино приданное. С ним она к нам приехала. Но ни разу при мне его не отпирала. А потом он и вовсе пропал из виду. Вон, значит, где она похоронила свое прошлое. Ну давай посмотрим, что в нем. Может и тайну моей невестки узнаем, наконец-то.

Г.:(выходит из комнаты и приносит коробку): Да он, батюшка Серафим, заперт. Ключа нигде нет. Как же мы его откроем? Ломать жалко. Видно, что старинный он. Хоть и почернело уже дерево. Но узоры, вырезанные на нем, по-прежнему хороши. Тут и жар-птица, и медведи, и кружево какое-то. Что будем делать?

Св.: А я сейчас Феклу за кузнецом пошлю. Может он скумекает, как сундук открыть.

Г.: Жаль, если ломать придется. А нет ли где в хозяйстве какой связки ключей? Может там что подходящее найдем.

Св.: Замок старинный, встроенный. Вряд ли что подходящее есть. Но посмотри на всякий случай. В сених в большом сером коробе, что слева от двери стоит, есть ключи.

(Галина сбегала)

Г.: И правда чудной замок. Ни один ключ не подошел. Они все маленькие, а он вон какой огромный. Что это за ключ должен быть?

Св.: Есть у меня от звонницы ключ. Он большой. Попробуйте его.

Входит кузнец.

Кузнец: Добрый день честной компании. Что у вас тут приключилось? Баба Фекла говорит, сундук никак не откроете. Клад что ли нашли какой?

Г.: Да какой там клад! Просто сундук очень красивый. Жаль ломать, а ключ потерян. Вот и думаем, что делать.

Св. Сундук моей невестки Аглаи. Может, думаем, в нем какие бумаги есть. А вдруг что-нибудь про ее родню узнаем. Из каких она мест к нам залетела. Она –то так ничего про себя и не рассказала. А мы не лезли, ждали, когда сама решит, что нам можно доверить свои тайны.

Кузнец: А, вот оно что. Ну тогда придется ломать, раз ни один ключ не подошел.

Г.: Стойте! У меня же есть ключ. Из моего детства. Вряд ли он подойдет к замку, но и он, как этот сундучок, чудной. Можно попробовать. Так, на всякий случай.

(Г. принесла из комнаты ключ).

Кузнец: И правда, чудной ключ! Бронзовый, вроде. Весь резной. Вон какие интересные бороздки. Умели раньше вещи делать. Сносу им не было. А ключик –то даром что старинный, а вона как весь блести. Что твое золото!

Г.: Я его постоянно мелом чищу и постным маслом протираю. Ну, давайте, попробуйте!

Кузнец: По рисунку вроде как схож. Сейчас замок немного почищу, капну масло и попробуем открыть.

Кузнец возится с замком. Свящ. и Г. волнуются, ожидая окончания процедуры.

Кузнец: Навроде подошел. Повернулся ключ! Сундук открылся! Вот только, извиняйте, ключик не выдержал нагрузки и сломался пополам.

Г.: Мой ключик...Как жалко. Это была единственная ниточка, которая связывала меня с детством, мамой...

Кузнец: Не горюйте так. Я что-нибудь придумаю. Может, починю его.

Св.: Не расстраивайся, Галочка! Давай лучше, что в сундучке хранилось посмотрим.

Открывает крышку и извлекает поочередно, что в сундучке лежало.

Св.: Платок с крупными цветами- мальвами. Я его помню. А потом думаю, что-то давненько он мне на глаза не попадался. Значит, Аглая его убрала под ключик. Тетрадь какая-то. Тоненькая совсем, но вся исписанная. «Дневник» -название на обложке. Ты посмотри, Галочка, что в ней написано. Видно моя невестка вела дневник. Даты давние. Что еще тут

есть? Так, детские рисунки...Платье Аглаи, в котором ее привезли в больницу. Гребень в волосы в виде золотой рыбки. Детская одежда. Что же это за история такая? Чей ребеночек-то? И где он? Платице, ботиночки, пальтишко. Все для маленькой девочки. Вряд ли они сейчас кому-то из наших прихожан подойдут. Уж больно старые и поношенные одежды. Единственное, что тут из бумаг попало- это дневник. Никаких бумаг больше не было. Что это, Галочка, на тебе лица нет? Чем ты так расстроена?

Г.: Не знаю, но что-то мне очень тревожно стало. Этот гребень...Шаль. Они из моих снов про маму. Не могу ждать, можно я прямо сейчас пойду дневник читать? Ой, тут метрика среди страничек лежит. «16 января 1924 года родилась Аглая Васильевна Светлова. Мать: Аглая Васильевна Светлова. Отец- прочерк. Город Куйбышев».

Св.: Чудны дела твои, Господи! Это что же выходит, у нашей Аглаи доченька была? И звали ее точно так же, как матушку. А где же эта девочка? Вот ведь какая скрытная была моя невестка! Ничего не говорила про ребенка. Может, малышка померла? Посмотри, нет там, случайно еще каких-нибудь бумаг? Свидетельства о смерти...

Г.: Нет, больше ничего нет. Пойду читать. Почерк у вашей невестки очень красивый, ровный. Вот только, видно, где-то намочили тетрадку. Не все можно разобрать.

Св.: Иди, иди. Может чего еще узнаем...

Г. (одна, читает): «Прошло много времени, прежде чем я смогла описать тот день. Он врезался в мою память навсегда. Как болезненный рубец, ранящий своими воспоминаниями. 25 июня 1929 года. На станции в рабочем поселке Дзержинск под Нижним Новгородом мы с маленькой Аглаей делали пересадку с поезда на поезд. Наша поездка или бегство из родных мест, где мы были никому не нужны, должна была скоро закончиться в городе Заволжске. Почему именно там? Да просто понравилось мне это название. Там уж точно нас никто не найдет, если вздумает, конечно. А может еще и счастье придет к нам с дочкой. И никто не осмелится называть ее бойстрючкой. Слово-то какое ужасное. Но не суждено было сбыться моим надеждам. Видно проклят мой род, сиротинушку. Права была мачеха, которая говорила, что никуда я не поеду. Вот и хотела мою крошку в детдом сдать. После смерти отца она еще злобнее ко мне стала относиться. Некому было меня защитить теперь. Зря я, видно, на свет народилась, мама родами умерла. Вот и наказание мне за любовь мою. Потеряла я кровиночку мою на вокзале. Оставила ее с вещами, а сама на минутку отлучилась за кипятком. Десяти минут не прошло, я вернулась, вещи все на месте, а Аглаи нет нигде. Как ни звала ее, как ни кричала, все бесполезно. Не было ее нигде. Видно, увели ее лихие люди. Я потеряла сознание. Очнулась в больнице. Пролежала там две недели как в бреду. А после как ни искала дочку по поселку, у кого только не спрашивала, никто ничего не слышал. Жива ли моя девочка? Здорова ли? Каждый день молю Бога о том, чтобы уберечь мою крошку от беды. Только одна метка от меня и осталась у Аглаи моей, ключ от моего сундучка на шее. Второй остался у меня. Схоронила я его в доме моего свекра, святого человека, на чердаке за старым зеркалом. На счастье пусть там лежит». Не могу поверить. Эта история Аглаи так похожа на мою. Меня тоже нашли где-то на станции в Нижнем Новгороде, или, как он сейчас называется, в городе Горьком. И у меня под одеждой был ключ. Я думала всегда, что он от нашего с мамой дома. А он...от сундучка. Пойду на чердак, посмотрю на второй ключик. *(убегает и возвращается с ключом)*: Он точно такой же, как и мой. Только потемнел весь. Нет, так не бывает в жизни. Так может быть только в сказке. Неужели Аглая и есть моя мама? Не могу в это поверить...

Сцена 13.

Галина (из Пролога): Потом было много всякого. Я поехала в Куйбышев. В тетрадке был адрес- улица Дворянская. Теперь это ул. Куйбышева. Там когда-то жила моя мама. После этой поездки я уже не сомневалась в этом. В доме шла огромная стирка. Все соседи из коммунальной квартиры собрались на огромной кухне и стирали что-то каждый в своем корыте. И казалось, что все при этом одновременно говорили что-то. Я с трудом перекричала этот шум и спросила, помнит ли кто-нибудь Аглаю Светлову. Одна полная неопрятная женщина вдруг бросилась ко мне. Она была разгорячена стиркой. Юбки подоткнуты, седые волосы растрепались. Она взглянула на меня, вцепилась очень больно в

руку и начала орать: А, явилась не запылилась, кричала она. Столько лет где-то пропадала. А тут выскочила, здрасти. Встречайте. А никто тебя тут не ждет. Накось выкуси тебе наследство от отца. *(она показала мне кукиш)*. Ничего тебе не оставил твой алкаш- папочка. Иди отсюда туда, откуда пришла. Жилплощадь моя и моего нового супруга. А тебе тут нечего делать. Ишь, ведьма, столько лет минуло, а она ни грамма не изменилась. Пошла отселе вон. Я и пошла. Восприняла слова этой тетки, как подтверждение, что вся эта нереальная история, правда. И Аглая – моя мама. Да и я сама вовсе никакая не Галина, а тоже Аглая...Прежде чем вернуться на станцию, я решила посидеть около дома, представить себе, как здесь когда-то жила моя мама. На лавочке сидел пожилой мужиченка. Когда я с ним поздоровалась, он аж весь затрясся. Замахала на меня руками. Перекрестился, словно увидел привидение. Потом грохнулся на колени и стал причитать, просить у меня прощения. Оказалось, это и был мой отец, вместо которого в метрике значился прочерк. И никакой он не Василий, а Игнат. Оказалось, что он был женат и у него было трое детей, когда он влюбился в мою маму. А она обожала читать книжки, потому что дома у нее была жуть, вот она и уходила в иную реальность. Жила мысленно чужой жизнью, придумывала свою. Глотала она книжки в садике за домом, когда выдавалась свободная минутка от хозяйственных забот. Ими мачеха нагружала Аглаю выше крыши. Уставала она от постоянной пьянки отца, от злобности мачехи. Было Аглае всего 16 лет тогда. В 17 родилась я. И жизнь у мамы стала еще горше. Кто был моим отцом она никому не сказала. А когда мне исполнилось пять лет, мой дед, отец Аглаи, по пьянке утонул в Волге. И мачеха совсем озверела. Лишние рты ей мешали. Вот Аглая и решила сбежать из дома. А многодетный сосед так никогда и никому не признался, что это он совратил романтическую девчонку. А когда я приехал в этот дом, он принял меня за мою маму. Клялся в любви. Но я ему так ничего и не сказала. Просто встала и ушла. Навсегда из того двора, как когда-то моя мама. Мужичок бежал за мной, что-то кричал, умолял остаться. Жена –то его померла. Он может теперь жениться на...мне. Я больше даже не оглянулась. Отныне я стала Аглаей Васильевной Светловой, на месте имени отца –прочерк.

Сцена 14.

Весна в Заволжске. На реке.

Галина-Аглая: Сегодня я опять стояла у больницы. Видела Генриха с женой. И впервые у меня ничего не дрогнуло внутри. Я переболела этой любовью. Может быть, это из-за того, что я больше не Галина Заволжская? Боже, помоги мне, чтобы вернулась моя мама с войны! Чтобы было, наконец-то, кого назвать этим теплым словом –ма-ма. Это так несправедливо, найти и тут же потерять ее. Ой, весна уже! Какая красота вокруг! Как я раньше ничего этого не видела? Наверное, я стала на все мамиными глазами смотреть...Еще везде лежит снег, на реке лед, а воздух пахнет...Какими-то цветами, пирогами и...яблоками. Раньше я бы решила, что мандаринами. Но нет, пахнет не заморскими фруктами, а нашими родными крутобокими яблоками! Никаких мандаринов! Ой, что это за крики на реке? Дети провалились в полынью. Они же утонут. Выбраться не могут. Лед под руками крошится. Мальчишки уже и кричать не могут. Тяжелая одежда тянет их вниз. Держитесь, ребята! Я сейчас вам помогу.

Убегает, расстегивая на ходу пальто.

Сцена 15.

В больнице. На кровати лежит Галина-Аглая. Ее лицо в бинтах. К кровати подходят двое в накинутых на плечи белых халатах. Это Генрих и его жена Люба.

Люба: Вот спасительница наших мальчишек. Если бы не она, не знаю, чтобы с ними было. Она и сама чуть не погибла. Повезло, что мимо ел мужчина. А то еще немного и все трое погибли бы. Лед треснул под тяжестью ее тела и той ветки, что она протягивала мальчишкам. Вот, лицо льдом поцарапала. Но самое главное, что ее лечащий врач сказал, что она будет жить. Надо же, а у наших сорванцов ни царапинки. Они даже не простудились. Какое счастье!

Генрих: Спасибо этой Аглае большое за наших мальчиков. Когда она придет в себя, ее лечащий врач Анатолий Семенович сообщит мне, и мы придем лично поблагодарить ее. А пока оставим ей на тумбочке мандарины. Придет в себя, удивится, откуда в наших краях в это время года можно было достать эти дорожные цитрусовые. Поймет, что наша благодарность не знает границ. Пойдем, пусть она отдыхает и поправляется.

Уходят, оставив сетку с мандаринами.

Галина-Аглая поднимается на постели и начинает разматывать бинты.

Г.: Еще чего не хватало, встречаться с Генрихом! Не так уж я и больна, чтобы валяться в больнице. Царапины заживут и дома. А мандарины я...ненавижу. *(распахивает окно и высыпает их из сетки прямо на снег)*. Как красиво они смотрятся: рыжие кругляши на почерневшем весеннему снегу. Снег растает, побегут ручьи и унесут их в дальние страны и моря. И ничего-то не останется от моих прошлых огорчений и бед. А воздух пахнет антоновкой! Ой, кто здесь?

Павел (за ее спиной): Добрый день, Аглая! Меня зовут Павел. Я очень рад, что вы уже на ногах. А я пришел справиться о вашем здоровье. Говорят, что вы здоровы, Никакой простуды нет и в помине. Только царапины на лице. А я смотрю, и их нет. Очень рад! С выздоровлением вас!

Г. А вы тот самый спаситель? Это вы вытащили нас с мальчишками из воды? Спасибо вам огромное! Если бы не вы, мы бы с ребятами утонули бы. Я не думала, что так нелегко вытащить из ледяной воды тонущих людей.

П.: Да ну, что вы, не стоит благодарить меня. Я бывший военный, сейчас служу в милиции. Навыки спасения людей у меня имеются. Нас этому учили. А вот вы удивительная смельчачка. Я таких девушек не встречал. Бросились на выручку детям, только услышали их крики. Вы помогли мальчишкам продержаться на воде, не испугаться окончательно, они поняли, что помощь близка. Я вами восхищаюсь. Вот, принес вам яблоки. Они из нашего сада. Чудом долежали до весны. Ешьте на здоровье.

Г.: Ой, какие чудесные! Больше всего на свете я обожаю яблоки! И ненавижу мандарины. А вы, Павел?

П.: Да честно говоря, не особо люблю мандарины. Как-то не задумывался над этим. Люблю яблоки.

Г.: И я! Пойдем гулять по городу! Там так яблоками пахнет!

П.: А, врачи? А, ладно, пошли! Хватит валяться!

Г. (из Пролога): Весна всегда пахнет яблоками! И осень, и зима, и лето! И любовь! Но это уже совсем другая история!

Новокуйбышевск-2015